

«СКАЖИТЕ, УЧИТЕЛЬ, ВСЁ – ТАК?»

В. Б. Ремизов

Поступила в редакцию 24 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье на материале воспоминаний о годах учебы в ВГУ (1967–1972) анализируется стиль общения преподавателей со студентами, рассказывается о ведущих ученых и педагогах филологического факультета: С. Г. Лазутине, Б. Т. Удодове, И. П. Распопове, В. П. Скобелеве, П. А. Бороздиной и др.

Ключевые слова: школа юного филолога, филологический факультет ВГУ, отношение преподавателей к студентам, уроки университета.

Abstract: the article analyzes the style of teachers' communication with students, tells about the leading scientists and teachers of the philological faculty: S. G. Lazutin, B. T. Udodov, I. P. Raspopov, V. P. Skobelev, P. A. Borozdina and others by the material of memories of the years of study at VSU (1967–1972).

Key words: school of young philologist, faculty of Philology, the attitude of teachers to students, University lessons.

В начале 10 класса мне надо было определиться с выбором будущей профессии. Мой духовный наставник Александр Александрович Болдырев, основатель ансамбля «Воронежские девочки», заслуженный деятель культуры России и с малых лет мой учитель пения в одиннадцатой школе им. А. С. Пушкина, выслушав мои желания быть химиком, историком, музыковедом, артистом, улыбнулся и сказал достаточно твердо: «Только филолог».

Учитель словесности в школе считала меня бездарью и была странно удивлена, что я успешно сдал экзамены в школу юного филолога. Помню первый день занятий. Пришел доцент кафедры советской литературы Владислав Петрович Скобелев и стал говорить о разных временах и народах. Зазвучали имена Катулла, Рабле, Гете... Свободный университетский тип мышления, прекрасная образная речь. Слушал, затаив дыхание, и думал про себя: неужели наступит та минута, когда я стану студентом филологического факультета ВГУ. Радость от того, что это случилось и что здесь, именно на этом факультете, началась моя большая жизнь в культурном пространстве России, не покидает меня по сей день. Воспоминания настолько сильны, что порой мне кажется, что я никогда не покидал стен любимого вуза.

С первых дней учебы дал себе слово не делить предметы на хорошие и плохие. Так же относился и к преподавателям. Не все были мастера читать лекции, но каждый был профессионал высокого

класса. До сих пор во мне живет чувство, что я выпускник не только Воронежского, но и Дерптского университета. Именно эта связь улавливалась в школах фольклористики, общего и сравнительного языкознания, в высокой культуре общения преподавателей со студентами, сказывавшейся в возможности свободно мыслить и иметь право на свой выбор. Не сразу к нам пришло понимание, как не просто было иногда вещать истину, но нутром мы чувствовали, что судьба большого ученого не может быть вне полемической битвы.

Профессор-фольклорист Сергей Георгиевич Лазутин в течение двух лет, ведя курсы по устному народному творчеству, постепенно приобщал нас к большой науке. По молодости лет и отсутствию опыта мы не ощущали значимости тех преподавателей, которых видели изо дня в день. Помню, как-то уже после защиты кандидатской диссертации в коридорах МГУ, беседуя с крупным ученым из Сербии, я увидел Сергея Георгиевича, и мы, как земляки, с ним обменялись любезностями. Когда он отошел от нас, серб спросил: «Кто это?» Узнав, что это сам Лазутин, он пришел в восторг, чем вызвал у меня удивление. «Ведь это же выдающийся человек! – сказал он. – В его работах раскрыта тайна рождения народной песни, но главное – частушки».

Вспоминается утомительное конспектирование работ выдающихся фольклористов, изучение различных школ в фольклористике, вхождение в проблемы сравнительно-типологического метода, проделанный мною анализ материалов фольклорной практики, с первого курса привлечение к

участию в научном кружке и даже в научной конференции.

Помню апрельский солнечный день 1968 г., когда в большой аудитории № 39 (пл. Ленина, 10) собрались студенты и преподаватели на общефакультетскую научную конференцию студентов. Тогда еще не было деления по кафедрам. Помню, как под руководством моего первого научного руководителя Владислава Анатольевича Свительского я подготовил доклад «К научному определению сказки». Тема чрезвычайно сложная. Но доклад был воспринят мэтрами факультета положительно, и это настроило меня на продолжение научной работы. При выборе специализации мои колебания между кафедрой русской литературы и общего и славянского языкознания закончились в пользу первой.

На втором курсе был во власти И. С. Тургенева, хотя лекции о писателе слушал спустя год. Выступал на итоговой общефакультетской конференции с анализом тургеневского рассказа «Гамлет Щигровского уезда» из «Записок охотника».

На втором курсе произошло сразу несколько важных для меня событий.

В присутствии всех членов кафедры общего и славянского языкознания (зав. кафедрой – профессор В. И. Собинникова) прошла защита моей первой курсовой работы по проблемам образности. Руководителем была доцент кафедры Антонина Ивановна Чижик-Полейко, блистательный знаток старославянского языка и крупный специалист в области стилистики русского языка. Тема необычайно сложная. Думаю, она и сегодня предмет жгучих споров. Не обошлось без них и во время моей защиты. Атмосфера была доброжелательной, но принципиальной. Плечо мне в споре подставила Зинаида Даниловна Попова, поддерживав направленность моих мыслей. Через два года, став доктором филологических наук, она, тогда еще молодая и красивая женщина, прочитала курс лекций по Общему языкознанию. Говорила тихо, просто и глубоко о философских интерпретациях тех или иных лингвистических учений, семантическом идеализме, в частности, о знаковых системах. Приходил в аудиторию пораньше, чтобы сесть недалеко от кафедры. Старался записать каждое ее слово, уловить каждый иронический пассаж. Любил наблюдать за мимикой лица. Она была очень живой и менялась от негодующей до добродушной. Потом много раз вспоминал эту манеру чтения, содержание лекций, которое не только не устаревало, но и позволяло ориентироваться как в филологической науке, так и в других сферах знания.

Для научного, а скажу более – духовного роста крайне важна атмосфера доброжелательности. На факультете все преподаватели, независимо от их званий и должностей, всегда любили студента. Вокруг каждого из преподавателей «кучковались» сторонники того или направления.

Второе событие было связано с тем, что на факультете стала работать Татьяна Львовна Гурина, ученица известного ученого Б. О. Кормана. Он был одним из создателей так называемой «школы автора». Помню, как в актовом зале (пл. Ленина, 10) Борис Осипович читал лекцию о позиции автора в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Он был к тому времени почти слепой, и это придавало еще большую таинственность его личности.

В этот же период появились первые работы по структурализму Ю. М. Лотмана и его коллег по Тартускому университету. В них приходилось буквально «вгрызаться». Совершенно новый язык, необычные подходы к анализу произведения. Но сказать, что я был в восторге от структурализма в литературоведении, не могу. Мне ближе была школа Кормана. Собственно, и сегодня при анализе художественного произведения я работаю в этом ключе.

Незабываемы занятия (их было много), которые на добровольных началах, не жалея сил и времени, проводила Т. Л. Гурина. Разборы произведений разного жанра с точки зрения форм выражения авторского сознания затягивались до глубокой ночи. Нас было несколько человек, и мы с благодарностью внимали тому, чему она нас учила.

Но парадокс заключался в том, что работу по проблеме автора мне пришлось писать у другого преподавателя – у Олега Григорьевича Ласунского. Он был руководителем моей курсовой работы «Позиция автора в романе А. И. Герцена “Кто виноват?”». О. Г. Ласунский, краевед, библиофил, благосклонно отнесся к моим штудиям, позволил мне сначала выступить на общефакультетской конференции, а потом способствовал моему выезду на серьезную общероссийскую конференцию, которую организовал МГУ. В Москве доклад, несмотря на то, что он выбивался из традиционного литературоведения, был воспринят с одобрением, а позже как статья был опубликован в Герценовском сборнике, изданном кафедрой русской литературы МГУ. Так увидела свет моя первая научная статья. После этого будет большой перерыв в публикациях. А первая ласточка и сегодня греет сердце.

На втором курсе судьба свела нас, студентов, с блестящими учеными – Б. Т. Удодовым, А. Б. Ботниковой и И. П. Распоповым.

Алла Борисовна читала лекции по зарубежной литературе всего один семестр, а память до сих пор хранит ее голос, волшебной красоты, ее интонации, а главное – ее диалоги с нами, пробуждавшие потребность к раздумьям о самом главном в жизни человека. Помню, как мучительно мы разгадывали на семинаре гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» Что только ни говорили, почти целый час потратили на наши ответы. А все потому, что были атеистами и менее всего думали о соприкосновении с мирами иными. А еще потому, что смерть была так далека от нас.

Вообще замечу, что зарубежную литературу, начиная с античной литературы, которую нам читала Тамара Александровна Комова, женщина с греческими чертами лица, огненным взглядом, и кончая двадцатым веком, преподавали так фундаментально, что это по сей день стоит в памяти. Но скажу даже больше: будучи учителем истории во всех классах огромной школы на мысе Шмидта, я активно использовал знания по зарубежной литературе. Они придавали некий шарм моим урокам.

Филологическое образование – как оно было поставлено на факультете Воронежского университета – это выход в разные сферы знания. На наших глазах факультет превратился в один из самых фундаментальных факультетов не только России, но и Европы. Мощные лингвистические и литературоведческие школы, основательная историко-философская подготовка, развернутая, многогранная научная деятельность. Было приятно учиться по учебникам, которые написали наши преподаватели. Было радостно, что появлялись новые кафедры и новые педагоги-ученые. В 1967 г., когда я поступил учиться на факультет, было два профессора, они же доктора наук. А буквально через несколько лет их стало заметно больше.

На втором курсе произошло событие почти фантастическое. Мы сидели в аудитории № 40 и ждали лектора – Елизавету Петровну Артеменко, которая должна была продолжить чтение курса лекций по русскому языку. Тихо открылась дверь, и в аудиторию вошел средних лет красивый, чем-то похожий на Чехова, только ростом поменьше, мужчина. Это был Игорь Павлович Распопов. Мы уже знали, что он недавно приехал и возглавил кафедру русского языка. Мы знали и то, что он выдающийся специалист в области синтаксиса, внесший заметный вклад в разработку учения об актуальном членении предложения. И, конечно, для нас было удивительно, что его деятельность в нашем университете начиналась с чтения лекций на нашем потоке и в течение года он будет читать нам курс по морфологии русского языка.

С хитрецей улыбнувшись, профессор Распопов обратился к аудитории и спросил: «Какой главный закон русского языка?» После долгого нашего молчания сам и ответил: «Закон сохранения морфемы». Этот вопрос позже, встречаясь с учителями словесности в разных регионах России, я задавал им не раз, но ни разу не получил ответа. Не знаю, как на кого подействовали слова Игоря Павловича, но на меня они произвели магическое впечатление. Они стали откровением и той высотой познания, с которой гигантский словесный массив становился упорядоченным и на редкость стройным. По-новому взглянув на русский язык, я понял, как сделать так, чтобы ученики школ это тоже осознали, ибо с этим придет к ним грамотность. Распопов рассказывал нам о научных спорах между лингвистами, создавал проблемные ситуации, в которых каждый из нас должен был сделать выбор. Никогда при этом не порицал за неправильный ответ. Сейчас авторы школьных учебников допускают такие вольности, как введение запросто новых частей речи. Академик В. В. Виноградов написал огромную статью о том, что есть категория состояния и почему она должна непременно стать новой частью речи, но его доводы показались коллегам недостаточно убедительными, чтобы утвердить новую часть речи. Споров по поводу категории состояния было много и на семинарском занятии Распопова. Обладая безупречной тактичностью в общении, он умел твердо отстаивать свою позицию, не боялся схватки с противником в спорах по проблемам русского языка. Поражала и общая высокая культура преподавателя, великолепное знание литературы, философии. Его речь отличалась интонационным богатством. Встреча с ним была праздником для каждого из нас.

Бывало так, что после лекции Распопова, не успев остыть от одного научного разогрева, мы попадали снова в пространство огня. Казалось, что мы невольно присутствуем на встрече с Пушкиным и его друзьями. Борис Тимофеевич Удодов умел воссоздать зримые образы самого поэта и его современников, живые картины эпохи, наполнить их глубоким содержанием, придать им общечеловеческую значимость и неповторимость национального колорита. На наших глазах рождались методы, проживали свой срок, исчезали, на смену им приходили другие, а потом все прежнее возвращалось и возникал новый синтез, новая форма миропознания. Голос у Бориса Тимофеевича был редкой красоты – бархатный баритон, без всяких сентиментальных натяжек. Но главное – после этих лекций я ощущал приращение в себе духовных сил, знания сами по себе западали

куда-то вглубь подсознания, и ты понимал, что это уже навсегда, эта часть тебя самого.

Феноменальная психологическая ситуация, когда, странствуя по эпохам вместе с героями и их создателями, ты проживаешь тысячелетия и века, и талантливые люди помогают тебе в этом утвердиться. На лекциях Удодова мы переносились из царства реальности в царство вечных образов, загадочных стран, вполне искренне и непринужденно отдавались «преданьям старины глубокой...» Отсюда данное мне ощущение – будто живу уже много веков.

Наши преподаватели умели передать бесмертный смысл мгновения жизни.

Запомнилось, как я, будучи студентом второго курса, сдавал зачет Борису Тимофеевичу. Сразу признался, что не прочитал несколько произведений второстепенных поэтов и потому приду завтра. Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Давайте вашу зачетку. Знаю, что вы их и без меня прочитаете».

Спустя 10 лет я был принят на кафедру русской литературы в качестве преподавателя. Заведовал кафедрой доктор филологических наук профессор Б. Т. Удодов. Золотой век моей жизни. Пахать приходилось много. Иногда в день у меня было по 8–10 горловых часов. Жалился Борису Тимофеевичу, а он находил такие слова, после которых хотелось работать еще больше.

Б. Т. Удодов обладал прекрасной филологической школой. Она базировалась на синтезе разных подходов к литературному явлению как факту искусства и факту жизни. Признаки психологической школы, историко-типологической, сравнительно-исторической, формальной – все это укладывалось в границы разумного анализа. В результате рождались знаменитые книги о Лермонтове и русской литературе. Он любил методологические штудии, эту любовь передал мне, и долгие годы, работая в вузе, я вел методологические семинары для студентов.

Особенно мне была близка его идея единства (распада) трех начал в человеке (художественном образе): родового (природно-родовое, общечеловеческое...) – социально-видового (национально-историческое, классовое, религиозное, семейно-укладное...) – индивидуально-неповторимого. Эта триада стала одной из ведущих парадигм в моей педагогической системе, связанной с педагогическими идеями Льва Толстого.

В студенческие годы, да и потом, где бы я ни работал, любил споры и активно в них участвовал. Но это было возможным только потому, что они протекали в свободной обстановке и предполагали искренность участников. Было радостно

сознавать, что моя дипломная работа по «Воскресению» Л. Н. Толстого, наполненная анализом романа с точки зрения христианской этики (рискованный подход для 1972 г.), не напугала моего научного руководителя – доцента Анатолия Александровича Слинько и вызвала восторг у рецензента – профессора В. П. Скобелева, того самого, который в ранней моей юности навсегда приковал меня к филологической стене радости и печали.

На факультете всегда была атмосфера творчества и свободы выбора. Дискуссии шли на занятиях, в том числе и на занятиях преподавателей философских дисциплин (незабываемых Б. Я. Замбровского и В. М. Второва), в научных кружках, на научных конференциях, на защите курсовых, дипломных, диссертаций. Студенту, аспиранту, молодому преподавателю предоставлялась возможность участия в спорах на равных с асами факультета. При этом диалогу всегда сопутствовала атмосфера взаимоуважения и дружелюбия.

Незадолго до моего отъезда на работу в музей Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (1988) факультетом был разработан индивидуальный учебный план. Он был утвержден на Ученых советах вуза и вскоре вступил в силу. Преподаватели, студенты дневного и заочного факультетов были в целом довольны планом, но через два года обнаружилась брешь в дисциплинах специализации. Они были построены по принципу действующих научных школ на факультете и серьезных индивидуальных проектов отдельных преподавателей. Конечный продукт деятельности самостоятельного, работающего под руководством ведущего ученого блока дисциплин специализации мог иметь научную ценность в разных формах – индивидуальные проекты и коллективные монографии студентов-выпускников и работающих с ними преподавателей, разного типа словари и энциклопедические обзоры, новые методические пособия для учащихся школ, абитуриентов и т. д. На третьем году работа начала пробуксовывать, и только отдельные ученые сумели сохранить при себе группу молодых исследователей.

В заключение приведу еще два случая, характеризующих атмосферу на факультете в целом. Один из них произошел во время выпускного вечера с Полиной Андреевной Бороздиной, доцентом кафедры советской литературы, уникальным специалистом по литературе народов Советского Союза. Она поведала мне о том, что перед зачислением, когда она была деканом филологического факультета, моя мать была у нее на приеме. Мой балл был выборочным. На 8 мест претендовало 17 человек. Мать рассказывала ей о своей трудной жизни, о том, что она мать-одиночка, и

просила при зачислении поддержать меня. Узнал я об этом только на выпускном вечере, а потом узнал и о другом, как отчаянно в ректорате Полина Андреевна билась за то, чтобы меня зачислили студентом. «Знаете, Виталий, я всегда чувствовала себя по отношению к вам крестной матерью».

На четвертом курсе во время сдачи зачета по методике преподавания литературы у меня возник спор с доцентом кафедры советской литературы Ниной Васильевной Соколовой. Это она дала мне жизнь в мир филологии. На собеседовании при приеме в «Школу юного филолога» она, держа мое сочинение в руках, сказала: «У вас очень хорошее сочинение и всего одна ошибка. Мне кажется, вы будете хорошим студентом». С ней на зачете и возник спор. На лекциях она убеждала нас вслед за Г. Гуковским в том, что главная задача учителя литературы – воспитать культурного читателя. Этот тезис мне показался недостаточно убедительным. Помню, она попросила меня подробнее раскрыть мою мысль. Говорили мы минут тридцать. Суть моей позиции сводилась к тому, что главная цель литературы – это преображение души, нравственный катарсис. Форма блистательная радует глаз, но путь к сердцу лежит через глубину содержания, которое так или иначе являет собой нравственно-самобытное отношение автора к людям и миру. В итоге мы расстались довольные друг другом, а в период моей тринадцатилетней работы на факультете мы всегда рады были видеть друг друга.

Не сразу пришло понимание того, что многие, с кем свела судьба на факультете, были выдающимися учеными.

Главное, чему научился я у преподавателей филологического факультета, – это свободно мыслить, академически подходить к проблеме, при научной состоятельности быть самим собой и иногда спрашивать себя: «Скажите, Полина Андреевна, всё – так?»

От редакции

Ремизов Виталий Борисович – выпускник филологического факультета Воронежского государственного университета (1972 г.), кандидат филологических наук, профессор, заслуженный учитель России, Почетный доктор ВГУ.

Видный литературовед, исследователь творчества Л. Н. Толстого и проблем культуры, основатель эксперимента «Школа Л. Н. Толстого». Вел преподавательскую и научную работу в ВГУ и Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого. Работал заместителем директора по научной работе в музее-заповеднике «Ясная Поляна», директором Государственного музея Л. Н. Толстого в г. Москва (2001–2012). Награжден орденом Почета и орденом «Слава России».

Лауреат премии Российской Федерации, почетный член Российской академии художеств В. Б. Ремизов ведет активную научную, творческую и просветительскую работу. При этом он не прерывает своих контактов с Alma mater. Так, в ноябре 2017 г. в Воронежском государственном университете с участием автора состоялась презентация книги «Уход Толстого» (М. : Проспект, 2017).